

Спасский А. А. К вопросу о начале нового периода во всеобщей истории: [Вступительная лекция по кафедре новой гражданской истории в 1893 г.] // Богословский вестник 1906. Т. 3. № 11. С. 503–528 (2-я пагин.).

Къ вопросу о началѣ новаго періода въ всеобщей исторіи ¹⁾.

М. Г.

Вамъ, безъ сомнѣнія, хорошо извѣстно, что всеобщую исторію принято дѣлить на три большихъ отдѣла: на *древнюю*, оканчивающуюся т. н. паденіемъ западной римской имперіи въ 476-мъ году; *среднюю*, обнимающую слѣдующее тысячелѣтіе до открытія Америки въ 1492-мъ г. и начала нѣмецкой реформаціи Лютера и *новую*, которая простирается отъ XVI в. до великой французской революціи и къ которой, какъ ея непосредственное продолженіе, примыкаетъ *новѣйшая* исторія отъ 1789-мъ года по настоящее время. Но можетъ быть для Васъ представить нѣкоторую новостъ та мысль, что это дѣленіе лишено твердыхъ научныхъ основаній и не только не приложимо ко всеобщей исторіи т. е. къ исторіи всего человѣчества, но даже и въ примѣненіи къ однимъ западно-европейскимъ народамъ, у которыхъ оно впервые возникло, имѣетъ чисто условный отвѣтъ. Несостоятельность этого дѣленія въ томъ его видѣ, въ какомъ оно обычно предлагается въ школьныхъ учебникахъ и руководствахъ по исторіи, заключается прежде всего въ томъ, что великіе перевороты въ жизни цѣлыхъ народовъ оно хотеть опредѣлить слишкомъ узкими границами, приурочить ихъ къ какому-нибудь одному году, при чемъ выборъ этихъ порубежныхъ годовъ оно дѣлаетъ по внѣшнимъ и случайнымъ соображеніямъ. Такъ, концомъ исторіи древняго міра

¹⁾ Вступительная лекція по кафедрѣ новой гражданской исторіи, произнесенная въ 1893 году.

оно поставляетъ 476-й годъ, когда послѣдній западный римскій императоръ Августулъ Ромулъ долженъ былъ сложить свою императорскую корону по требованію варварскаго полководца Одоакра, и Италія оказалась во власти „короля варваровъ (*rex gentium*).“ Но это сверженіе Ромула-Августула, долженствующее открывать собою новый періодъ въ исторіи, на самомъ дѣлѣ было совершенно ничтожнымъ фактомъ, едва заслуживающимъ вниманія историка: оно произошло незамѣтно, не произвело ни малѣйшаго впечатлѣнія на очевидцевъ и ни чѣмъ не отозвалось въ жизни и понятіяхъ современниковъ; все, что осталось отъ него—это нѣсколько словъ, мимоходомъ сказанныхъ хроникеромъ. Очевидно, крайне странно возводить столь маловажное событіе на степень грани, отдѣляющей древнюю исторію классическаго міра отъ исторіи новыхъ народовъ Европы, не говоря уже о томъ, что къ этому факту нельзя привязывать ни паденія римской имперіи, ни завершенія грекоримской цивилизаціи. Паденіе римской имперіи,—если только можно употребить этотъ смутный терминъ,—обозначилось гораздо ранѣе второй половины пятаго вѣка; до 476 года самый Римъ принужденъ былъ нѣсколько разъ откупаться отъ варваровъ,—и все-таки два раза былъ ими ограбленъ: одинъ разъ—вестготами еще въ 410 г., другой разъ вандалами въ 455 г. Что же касается до греко-римской цивилизаціи, то исторія ея завершилась значительно позднѣе 476 г., именно около 50-хъ г. VI столѣтія, когда закрытіемъ языческихъ школъ въ Аѳинахъ и составленіемъ знаменитаго кодекса Юстиніана положенъ былъ конецъ развитію греческой философіи и римскаго права—этихъ двухъ главныхъ продуктовъ античнаго генія.

Столь же мало основаній и за начало новой исторіи принимать 1492-й годъ,—тотъ годъ, въ который Христофоръ Колумбъ водрузилъ кастильское знамя на новооткрытомъ имъ островѣ Гуаганакіи и который не совсѣмъ правильно называется годомъ открытія Америки. Открытіе Америки, конечно, имѣло свое значеніе: оно расширило географическія понятія, дало сильный толчекъ изслѣдованіямъ въ области астрономіи, указало торговлѣ новыя земли и новые предметы, но сфера его вліянія и ограничилась только этими отдѣльными сторонами жизни. Въ общей связи событій западно-европейской исторіи ему принадлежитъ очень посред-

ственный интересъ: оно гораздо больше отразилось на послѣдующей судьбѣ Америки, чѣмъ въ исторіи Европы, гдѣ новооткрытыми землями воспользовалась преимущественно Испанія, почти даромъ извлекая изъ нихъ огромныя богатства. Но и здѣсь эти богатства сдѣлались одною изъ главнѣйшихъ причинъ упадка испанской монархіи и той приниженности, съ которою она и доселѣ продолжаетъ свое существованіе въ семьѣ европейскихъ государствъ. Очевидно, и это событіе слишкомъ малозначительно для того, чтобы имъ можно было открывать самостоятельный отдѣлъ всеобщей исторіи. Къ тому же, такіе великіе перевороты, какъ паденіе античной цивилизаціи или начало исторіи новыхъ народовъ Европы не совершаются вдругъ, одномоментно, такъ сказать, у всѣхъ на глазахъ, и ихъ невозможно обозначить какимъ-либо однимъ годомъ. Если уже въ процессѣ развитія каждаго отдѣльнаго человѣка наступленіе различныхъ возрастовъ нельзя опредѣлять однимъ годомъ, то тѣмъ болѣе непригоденъ такой пріемъ для разграниченія на періоды жизни цѣлыхъ народовъ. На этомъ основаніи не могутъ быть признаны и другіе годы, указываемыя нѣкоторыми историками за начальный моментъ новой исторіи, какъ-то 1517 г., когда Августинскій монахъ Лютеръ прибилъ къ дверямъ виттенбергской церкви свои 95 тезисовъ противъ индульгенцій, или 1520 г., въ который тотъ же Лютеръ торжественно сжегъ за стѣнами Виттенберга папскую буллу объ отлученіи его отъ церкви. Эти годы нельзя считать даже за начало той оппозиціи католицизму, выраженіемъ которой былъ протестантизмъ, потому что эта оппозиція слагалась въ продолженіи столѣтій, при чемъ первыя ея проявленія падаютъ еще на XIII-й вѣкъ.

Другой существенный недостатокъ принятаго дѣленія исторіи состоитъ въ томъ, что оно сдѣлано по мѣркѣ однихъ западно-европейскихъ народовъ и соотвѣтственно нѣкоторымъ особенностямъ ихъ историческаго развитія, а потому оно не можетъ имѣть примѣненія ни къ исторіи другихъ странъ и народовъ, ни къ исторіи всего человѣчества. Дѣленіе это возникло изъ слѣдующихъ мотивовъ. Извѣстно, что населяющіе западъ Европы теперешніе романскіе и германскіе народы основались въ предѣлахъ западной римской имперіи, заимствовали у нея свою культуру, унаслѣдовали

ея цивилизацію и частію получили отъ нея языкъ и право. Поэтому, исторія теперешнихъ западно-европейскихъ народовъ съ самаго ея начала тѣснымъ образомъ соединилась съ исторіей классическихъ народовъ, и эта связь сдѣлалась болѣе прочной, когда съ конца XV в. европейцы овладѣли всѣмъ богатымъ, художественнымъ и литературнымъ наслѣдіемъ, какое оставила послѣ себя античная образованность. Ставши продолжателями того умственного развитія, которое начато было въ Греціи и Римѣ, западно-европейскіе народы оказались склонными смотрѣть на исторію этихъ двухъ странъ, какъ на свою собственную исторію, и дали ей названіе *древней*: вслѣдствіе этого ихъ дѣйствительная исторія, которая открывается ихъ поселеніемъ въ предѣлахъ римской имперіи, отошла на второй планъ и заняла промежуточное мѣсто между классическою древностью и тѣмъ временемъ, которое они называли новымъ; отсюда и эта промежуточная эпоха получила названіе среднихъ вѣковъ или средневѣковья. Первоначально, съ именемъ среднихъ вѣковъ соединялось представленіе о чемъ-то темномъ, невѣжественномъ; европейцы смотрѣли на этотъ періодъ своей жизни, какъ на эпоху грубости и варварства, и въ своемъ преклоненіи предъ классической цивилизаціей готовы были вычеркнуть его изъ исторической памяти. Въ настоящее же время, благодаря развитію исторической науки, это мнѣніе совершенно оставлено и средніе вѣка стали трактоваться, какъ богатая внутреннимъ смысломъ эпоха, составляющая не особый отдѣлъ исторіи, а только неотдѣлимую ступень, какъ бы введеніе къ тому состоянію западной Европы, въ которой застаеъ ее XVI-й вѣкъ. Такимъ образомъ, рассматриваемое дѣленіе, если и можетъ имѣть еще гдѣ-нибудь примѣненіе, то развѣ въ исторіи западно-европейскихъ народовъ, до и здѣсь оно должно быть примѣняемо съ извѣстными ограниченіями и существенными оговорками. Въ отношеніи же къ исторіи другихъ странъ и другихъ народовъ, не прошедшихъ той школы, какая выпала на долю западной Европы, это дѣленіе лишено всякаго смысла. Такъ оно совершенно неприложимо къ народамъ, занимающимъ сѣверо-востокъ Европы, которые не имѣли періода, соотвѣтственнаго среднимъ вѣкамъ, для которыхъ открытіе Америки и нѣмецкая реформація—лишены были всякаго прямого значенія. Поэтому

самому оно неприложимо и къ исторіи всего человѣчества, гдѣ оно оказалось бы весьма несоразмѣрнымъ. Для всеобщей исторіи, обнимающей собой важнѣйшія событія въ жизни всѣхъ, повліявшихъ на развитіе человѣка, народовъ, дѣленіе, сдѣланное по мѣркѣ одной, хотя бы то и самой выдающейся по своему значенію группѣ народовъ, очевидно, не можетъ быть пригодно; здѣсь нуженъ иной принципъ, на основаніи котораго мы съ большимъ удобствомъ могли бы сгруппировать всемірно-историческія событія.

Спрашивается, гдѣ-же, въ какихъ историческихъ явленіяхъ мы должны искать это основаніе для лучшаго раздѣленія исторіи на отдѣлы и для установки болѣе твердаго понятія о новомъ ея періодѣ?

Есть одна эпоха въ исторіи человѣчества, которая носить на себѣ ясную печать переходнаго времени. Она не столь близка къ намъ, какъ вѣкъ возрожденія искусствъ и наукъ на западѣ, и не такъ отдаленна, какъ начатки писанной исторіи аріійцевъ. Она обнимаетъ собой время съ перваго по шестой вѣкъ нашей эры и наполнена явленіями глубокой важности. Три факта первостепеннаго значенія главнымъ образомъ обращаютъ на себя вниманіе историка, изучающаго эту эпоху, и даютъ право видѣть въ ней грань, раздѣляющую всеобщую исторію на двѣ половины: древнюю и новую. Это, во-первыхъ, распаденіе греко-римской цивилизаціи, постепенно совершающееся на пространствѣ этого періода; во-вторыхъ, появленіе, распространеніе и торжество христіанской религіи, провозгласившей единство и равноправность рода человѣческаго и измѣнившей празственный понятія человѣка и весь складъ его жизни, въ-третьихъ,—выступленіе на передовую сцену исторіи новыхъ этнографическихъ элементовъ въ лицѣ германскихъ и славянскихъ племенъ, привнесшихъ съ собой свои особенные общественные идеалы и раздвинувшихъ географическіе предѣлы исторической жизни съ береговъ Средиземнаго моря на берега Атлантическаго океана. Остановимся на каждомъ изъ этихъ фактовъ въ отдѣльности и опредѣлимъ значеніе ихъ въ ходѣ всемірной исторіи.

1) Исторія не знаетъ государства столь узко-эгоистическаго, какъ государство римское; она не знаетъ завоеванія, ради котораго прибѣгали бы къ такому насилію и вѣроломству,

какъ при римскомъ завоеваніи, но она не знаетъ и другаго явленія политическаго характера, которое оказало бы столь глубокое вліяніе на жизнь культурнаго человѣчества, какъ это же римское государство. Когда вы прочитываете новыя изслѣдованія по исторіи Рима или по общей исторіи Европы, вы часто наталкиваетесь на ту мысль, что Римъ есть центръ вселенной и что исторія его есть исторія всемірная. И не думайте, что эту мысль высказываютъ ученые католическаго лагеря,—съ нѣкоторою затаенною цѣлію; нѣтъ, это говорятъ люди, которые разсматриваютъ религію не болѣе, какъ историческое явленіе, и уже никакимъ образомъ не могутъ быть на сторонѣ католицизма... Это всемірно-историческое значеніе римскаго государства коренится въ томъ, что Римъ въ первый разъ осуществилъ и завѣщалъ послѣдующимъ вѣкамъ идею организованнаго для общей и мирной жизни человѣчества, идею, къ которой безуспѣшно стремились все другія цивилизаціи древняго міра. Вы знаете, что еще задолго до того времени, когда можно говорить о Римѣ,—даже много ранѣе того времени, къ которому относятся первые начатки цивилизованной жизни въ Европѣ, исторія уже находитъ цѣлый рядъ своеобразныхъ цивилизацій, само-бытно возникшихъ въ плодородныхъ долинахъ главныхъ рѣчныхъ бассейновъ Азіи и Африки. Щедро, надѣленные дарами окружающей ихъ природы, эти цивилизаціи иногда достигали высокой степени развитія и распространяли свою власть на нѣсколько частей свѣта,—тѣмъ не менѣе онѣ никогда не могли получить того мѣста въ всеобщей исторіи, какая по праву принадлежитъ Риму. Главная причина этого заключается въ томъ, что, основанныя на племенной исключительности и разобщенныя между собою, онѣ носили на себѣ слишкомъ узкій, слишкомъ мѣстный колоритъ, а потому и не могли стать достояніемъ другихъ племенъ и народовъ. Припомнимъ напр. цивилизаціи Египта или Индіи съ ихъ замкнутымъ въ себѣ, кастовымъ характеромъ, дѣлавшимъ ихъ недоступными ни для какой другой страны. Ихъ можно назвать счастливыми оазисами въ пространствѣ первобытнаго состоянія человѣческихъ племенъ, которые ласкаютъ взоръ историка, но не оживляютъ окружающей ихъ пустыни варварства и дикости. Предоставленные своимъ собственнымъ силамъ, эти цивилизаціи не имѣли широкой исторической

будущности: они или исчезли съ лица земли, какъ древній Египетъ и Ассиро-Вавилонія, или окаменѣли въ своихъ формахъ, какъ тѣ государства, которыя и теперь еще существуютъ въ долинахъ Инда и Яксикіанга и у которыхъ исторія обратилась въ простую хронологію событій. Только съ переходомъ исторической жизни отъ рѣкъ Азіи и Африки на берега Средиземнаго моря положено было начало тому общечеловѣческому культурному наслѣдію, которое съ тѣхъ поръ непрерывно передается отъ поколѣнія къ поколѣнію и отъ народа къ народу. Эта великая миссія выпала на долю двухъ странъ, соединенныхъ неразрывною связью въ нашемъ историческомъ представленіи; я разумѣю Грецію и Римъ. Въ то время какъ Греція сдѣлалась учительницей челоуѣчества и довела развитіе его способностей до совершеннѣйшихъ образцовъ, Римъ сталъ государственной главой цѣлой семьи народовъ и далъ имъ строй жизни, образовавшій изъ себя какъ бы форму для послѣдующаго историческаго развитія. Подобно другимъ цивилизаціямъ древняго міра, и римское государство первоначально было основано на племенномъ началѣ, въ силу котораго полноправными гражданами въ немъ могли быть только потомки извѣстнаго числа родовъ, а всѣ другіе считались чужестранцами, хотя бы они въ теченіи нѣсколькихъ поколѣній жили въ Римѣ и въ древности своего происхожденія ни мало не уступали патриціямъ. Но по причинамъ, о которыхъ намъ нѣтъ надобности разсуждать, Римъ скоро сумѣлъ сбросить съ себя эту исключительность, пожертвовалъ своими интересами и распространилъ право гражданства не только на тѣхъ, кто въ качествѣ союзника присоединился къ нему, но и на тѣхъ, кого онъ побѣждалъ оружіемъ. Вслѣдствіе этого онъ оказался способнымъ соединить подъ своею властью весь культурный міръ того времени, лежавшій кольцомъ по берегамъ Средиземнаго моря,—самъ сталъ наслѣдникомъ всего того, что было выработано древними цивилизаціями, и другихъ сдѣлалъ участниками въ этомъ наслѣдіи. Римское оружіе, куда бы оно не проникало, приносило съ собою побѣжденнымъ народамъ не смерть, не плѣнъ и не рабство, какъ это было въ исторіи древнихъ государствъ Востока, но болѣе утонченныя, цивилизованныя формы жизни и соединяло ихъ въ одну семью не единствомъ только политической власти, во-

площенной въ лицѣ цезарей, но единствомъ и духовнаго родства, выражавшагося въ единствѣ культуры. Въ свою очередь и побѣжденные народы, подчиняясь римской державѣ, вносили *свой* вкладъ въ культурное богатство Рима и такимъ образомъ содѣйствовали развитію цивилизациі, которая по всей справедливости можетъ быть названа *всемирной* въ смыслѣ того времени. Подъ гостепріимною сѣнію римскаго права мирно встрѣтились между собой и обмѣнялись мыслями Востокъ и Западъ и не только племена и народы были умиротворены походами римскихъ легіоновъ, но и ихъ философскія и религіозныя ученія. Какъ всѣ государства древности вошли въ одинъ политическій организмъ римской имперіи, такъ и всѣ языческіе боги нашли себѣ мѣсто въ римскомъ пантеонѣ и мудрость отдаленнаго востока слилась въ одно неразрывное цѣлое съ продуктами греческой мысли въ системахъ гностицизма и неоплатонизма. Въ одной изъ своихъ ѣдкихъ сатиръ Лукіанъ, писатель II-го вѣка, выводитъ бога Мома, который жалуется, что въ залѣ олимпійскихъ боговъ прокралось множество иноземцевъ, одѣтыхъ крайне странно, не умѣющихъ даже говорить по гречески: тутъ и Мидянинъ Митра въ персидскомъ платьѣ съ тіарою на головѣ, тутъ и скиѣъ Замалксисъ, бывшій рабъ, и египтянинъ Анубисъ, у котораго голова не человѣческая, и каждый привелъ съ собой всю свою свиту: за обѣденнымъ столомъ боговъ—тѣснота и идетъ такой безтолковый крикъ на разныхъ языкахъ, что ничего не поймешь... То, что въ миниатюрѣ происходило на лукіановскомъ Олимпѣ, вполне осуществлялось въ характерѣ римской цивилизациі временъ имперіи: въ Римѣ втораго и третьаго вѣка можно было встрѣтить представителей всѣхъ націй древняго міра, поклонниковъ всевозможныхъ боговъ и проповѣдниковъ всякихъ ученій, начиная отъ возвышенныхъ, воспитанныхъ на Библии и философіи Платона, воззрѣній Филона и кончая мистическимъ фантазерствомъ, заимствованнымъ изъ халдейскихъ прорицаній и поэмъ Орфея. Такимъ образомъ, та цивилизациа, которую мы привыкли называть греко-римской и которая выработалась въ первые вѣка нашей эры, не была собственно продуктомъ только этихъ двухъ народовъ: она представляла собой весьма своеобразную смѣсь, въ которой греческіе и римскіе элементы срастворялись съ элементами всѣхъ дру-

гихъ цивилизацій древности и даже не всегда преобладали надъ ними; въ ней нашло свое единство и свое завершеніе все, добытое усиліями различныхъ народовъ на пространствѣ древней исторіи, но въ ней же оно нашло и свой конецъ. Когда въ римскомъ политическомъ организмѣ стали обнаруживаться зловѣщіе признаки приближающагося паденія, опасность исторической смерти, очевидно, угрожала не одной только имперіи и ея государственному механизму, но и всему строю древней жизни, пріютившейся подъ покровительство Рима. Поэтому-то разложеніе греко-римской цивилизаціи было вмѣстѣ съ тѣмъ разложеніемъ и всего античнаго міра; этотъ міръ слишкомъ тѣсными узами соединилъ себя съ римскимъ государствомъ и вмѣстѣ съ нимъ долженъ былъ сойти съ исторической сцены, уступивъ свое мѣсто совершенно инымъ, новымъ началамъ жизни. Значить, тамъ, гдѣ закончилась исторія Рима, мы имѣемъ право ставить точку и относительно всей древности и на послѣдующіе вѣка смотрѣть, какъ уже на новый самостоятельный отдѣлъ всеобщей исторіи.—Это наше право сейчасъ же подтвердится и разсмотрѣніемъ другаго явленія, характеризующаго собой переходъ отъ древней исторіи къ новой.

2) Въ то самое время, когда древняя цивилизація объединенная Римомъ, достигла своего завершеніе и начала склоняться къ западу, въ нѣдрахъ той же римской имперіи возникло и развивалось явленіе, привнесившее съ собой новое міровоззрѣніе и новые основы для общественной жизни. Это было христіанское ученіе. Сначала встрѣченное враждебно всѣми силами древности, какъ отвергавшее самые устои, на которыхъ покоилось ея бытіе, христіанство своею внутреннею сущностью побѣдило древній міръ и своимъ торжествомъ вызвало громадный переворотъ въ исторіи. Этотъ переворотъ не совершился вдругъ, разомъ, такъ какъ христіанское ученіе не было ученіемъ революціоннымъ; оно должно было дѣйствовать подобно закваскѣ, которую женщина, взявъ, положила въ три мѣры муки, доколѣ не скисло все (Мѣ. XIII, 33); но, проникая постепенно и незамѣтно во всѣ области жизни, оно *преобразовало религіозныя, общественныя и семейныя отношенія и толкнуло исторію на совершенно новый путь*. И прежде всего, въ противоположность древнему міру, гдѣ не только каждый народъ и каждое племя, но даже

каждый городъ имѣлъ своихъ отдѣльныхъ боговъ, героевъ и оракуловъ, христіанство объявило себя единой истинной религіей, исключавшей всякое другое религіозное ученіе, и обратило свой призывъ къ людямъ безъ различія пола, возраста, общественнаго положенія и національности. Прямимъ слѣдствіемъ этой универсальности христіанства, этого призыва всѣхъ людей къ одной религіи было сознаніе единства и равноправности рода человѣческаго, — сознаніе, которое совершенно чуждо было античному міру. Языческое общество, даже въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей, не могло дорости до понятія о единствѣ природы и происхожденія всѣхъ людей и не въ силахъ было освободиться отъ той исключительности, на которой строились всѣ его отношенія. Для грека и римлянина варваръ т. е. всякій, кто не былъ грекомъ и римляниномъ, былъ существомъ низшей породы, предназначеннымъ къ тому, чтобы быть покореннымъ и служить рабомъ. По древнему римскому закону XII-ти таблицъ, чужестранецъ лишался всякихъ правъ и ставился на одинъ уровень съ врагомъ, чужестранцемъ же тогда назывался всякій, кто не пользовался правами римскаго гражданства. Хотя въ послѣдствіи эта суровость первоначальнаго закона смягчилась и право гражданства было распространено на всѣхъ подданныхъ римскаго императора, но все же племена, не вошедшія въ составъ имперіи и не оградившія себя особыми договорами, разсматривались, какъ стоявшія внѣ закона и права. Только общій уровень бѣдствій, одинаково выпавшій на всѣ классы древняго общества въ эпоху разложенія имперіи, вызвалъ въ нѣкоторыхъ умахъ сознаніе печальной участи, общей всѣмъ людямъ, и этимъ-то объясняются тѣ не многія слова грустной симпатіи, съ которыми иногда обращались ко *всему* человѣчеству лучшіе люди греко-римскаго общества. Еще менѣе была доступна для древности идея равноправности всѣхъ людей. Древній міръ не зналъ и не цѣнилъ человѣка, какъ человѣка — помимо всѣхъ государственныхъ его опредѣленій; для него человѣкъ былъ прежде всего „ζῷον πολιτικόν“, животное общественное, достоинство котораго опредѣляется его положеніемъ въ государствѣ. Поэтому, идеаль древняго политическаго устройства непременно и повсюду предполагалъ не равноправность членовъ государственнаго союза. Такъ, по

убѣжденію, величайшаго изъ политическихъ и философскихъ мыслителей Греціи, Аристотеля, ни государство, ни гражданинъ не могутъ быть мыслимы безъ раба; но что такое рабъ? Это существо, лишенное всякихъ правъ, лишенное даже права считать и называть себя человѣкомъ. Римское законодательство прямо выражается, что рабъ *nullum caput habuit* т. е. не имѣетъ человѣческой личности, и его дѣтей обозначаетъ просто именемъ „весенняго приплода“. „Всѣ хозяйственныя орудія,—разсуждаетъ одинъ римскій писатель (Варронъ)—можно раздѣлить на три разряда: на орудія, одаренныя словомъ, голосомъ; орудія полугласныя и орудія нѣмыя. Первые—это рабы; вторыя—скотъ рабочій; третьи—плугъ и т. п.“ И такъ, рабъ, по воззрѣнію древняго общества, есть только орудіе рабочее, которое должно вводить въ счетъ на ряду съ прочимъ содержаніемъ хозяйственнаго инвентаря. Впослѣдствіи, когда расширение предѣловъ римскаго владычества повлекло за собой ослабленіе національной исключительности и деспотизмъ римскихъ императоровъ сблизилъ разстояніе, существовавшее между рабомъ и свободнымъ гражданиномъ, положеніе рабовъ стало нѣсколько улучшаться, и само законодательство взяло на себя починъ въ дѣлѣ облегченія ихъ участи, но и тогда оно не отмѣнило прежнихъ опредѣленій и совсѣмъ не имѣло въ виду уничтоженія самаго института рабовъ. Только съ появленіемъ христіанства, признавашаго единство человѣческой природы и ея происхожденія, отвергнута было то основаніе, на которомъ опиралось рабство древняго міра, и положено было начало къ уравнию рабовъ съ прочими классами общества. Правда, христіанство не обращалось къ рабамъ съ призывомъ къ политической и гражданской свободы, не привлекало ихъ къ себѣ обѣщаніями измѣнить ихъ общественное положеніе: оно, напротивъ, увѣщевало ихъ къ покорности къ своей участи, но, проповѣдуя духовную свободу каждаго человѣка, оно будило въ рабахъ сознаніе духовнаго равенства и прокладывало путь къ коренному перевороту и въ его политическомъ состояніи. Христіанство видѣло въ рабѣ не вещь, безусловно принадлежащую своему господину, не одинъ изъ видовъ рабочихъ орудій, а полноправнаго гражданина небеснаго царства и любимаго члена церкви, и его имя сдѣлало почетнымъ титуломъ, которымъ любили укра-

шаться люди, стоявшіе во главѣ христіанской общины. Считая покорность одинъ изъ главнѣйшихъ добродѣтелей раба, пока онъ принадлежитъ языческому обществу, оно внутри своихъ послѣдователей не только ставило раба на ряду съ господиномъ, но и требовало отъ послѣдняго мѣста для раба среди семьи, при домашнемъ очагѣ. Припомнимъ одинъ эпизодъ изъ первыхъ временъ христіанства. Ап. Павелъ, проповѣдуя Евангеліе, встрѣтилъ раба, принадлежавшаго Филимону и обратилъ его въ христіанство; отправляя обратно его къ Филимону, онъ, не желая приказывать, увѣщаетъ его принять раба, какъ онъ принялъ бы его самого, „уже не какъ раба,—объясняетъ Апостолъ,—но выше раба, какъ брата возлюбленнаго, особенно мнѣ, а тѣмъ больше тебѣ и по плоти, и въ Господѣ (Филим., 1, 16)“. Такъ, при первыхъ словахъ христіанской проповѣди, занялась для рабовъ заря освобожденія, и если день свободы наступилъ для нихъ еще не скоро, то потому только, что подняться прямо противъ рабства, значило бы съ перваго шага развернуть знамя возстанія противъ всей государственной системы древняго міра. Христіанскіе учителя остановились предъ опасностью революціи и предпочли медленное, но вѣрное дѣйствіе на совѣсть отдѣльныхъ людей быстрому, но ненадежному перевороту, всегда сопровождающемуся насиліемъ. И они не ошиблись: по мѣрѣ того, какъ христіанскія идеи приникали въ общество, рабство болѣе и болѣе исчезало изъ него, и когда христіанство достигло полнаго торжества, оно приняло на себя организацию отпущенія рабовъ на волю.—Преобразуя основанія политическаго и общественнаго строя древности, христіанство столь-же глубокія перемѣны внесло своею проповѣдью и въ область семейную. Въ языческомъ мірѣ положеніе семьи опредѣлялось тѣмъ же государственнымъ началомъ, которое лежало въ основѣ всѣхъ прочихъ отношеній. Семья нужна была для государства, какъ мастерская, въ которой приготавливались будущіе его члены: она—необходимое дополненіе государства, неотдѣлимая его часть, и потому представляетъ собой такой же неравноправный союзъ лицъ, какъ и само государство. Какъ древнее государство усваивало себѣ всю полноту правъ надъ каждымъ своимъ членомъ и поглощало собой человѣческую личность гражданина, такъ и въ семьѣ отецъ былъ единственнымъ и полно-

правнымъ господиномъ, безконтрольно распоряжавшимся прочими членами своего дома. Древнее общество не допускало даже возможности того, чтобы жена и дѣти могли быть уравнены съ главой дома и имѣть какія-либо свои права въ отношеніи къ нему. За женщиной, какое бы положеніе она не занимала, оно вообще не признавало никакихъ гражданскихъ правъ. Не говоря уже о Востокахъ, гдѣ одного многоженства достаточно было для того, чтобы держать женщину въ рабствѣ. Даже въ Греціи она не возвышалась на тѣмъ жалкимъ назначеніемъ, какое указывало ей общество: именно, доставлять гражданъ государству и чувственные наслажденія мужчинѣ. Законодательство древняго міра считало женщину вѣчно несовершеннолѣтнею и наука отрицала въ ней добродѣтель и волю; покрайней мѣрѣ Аристотель считаетъ женщину способной только къ такой добродѣтели, которая мало чѣмъ разнится отъ добродѣтели раба. Вслѣдствіе такого воззрѣнія на женщину античная семья была лишена нравственныхъ основъ, потому что самый бракъ не могъ быть тамъ союзомъ двухъ равноправныхъ лицъ: это была простая юридическая сдѣлка между мужчиной и женщиной, предпринятая въ видахъ государственной пользы. „Вступая въ бракъ,—говоритъ Платонъ,—нужно думать о пользѣ государства, а не о собственномъ удовольствіи“. Отсюда то и развились извѣстные спартанскіе законы, по которымъ старый мужъ, не способный имѣть дѣтей, долженъ былъ уступать на время свою жену людямъ молодымъ и крѣпкимъ, или по которымъ гражданинъ, желавшій имѣть дѣтей, но не рѣшившійся вступить въ бракъ, могъ обращаться къ женатымъ людямъ съ просьбою уступить ему на время супружескія права. Это уже достаточно объясняетъ униженное положеніе женщины въ древнемъ семействѣ: какъ дѣвицей она оставалась подъ властью отца, такъ женой она переходила во власть мужа, который обрекалъ ее на домашнее затворничество, держалъ иногда и подъ стражею собакъ, могъ уступить ее по завѣщанію или договору, и даже казнить, посовѣтовавшись предварительно съ родственниками. „Есть-ли кто-нибудь,—спрашиваетъ Сократъ Критовула въ одномъ изъ сочиненій Ксенофонта; съ кѣмъ ты говорилъ бы меньше, чѣмъ съ твоей женой? Никого, отвѣчаетъ Критовуль, или по крайней мѣрѣ очень не многіе“.

„Женщина—добавляетъ Сенека—есть животное, лишенное всякаго стыда, и если не воспитать ее съ большимъ тщаніемъ, то нельзя не видѣть въ ней существа дикаго, не способнаго обуздать свою страсть“. Въ Греціи, какъ и во времена римской имперіи, женщина лишь тогда поднималась на одинъ уровень съ мужчиной и получала въ обществѣ принадлежащее ей мѣсто, когда она выходила изъ предѣловъ семейной жизни, отрекалась отъ женской стыдливости и становилась гетерой т. е. свободной подружкой мужчины. И Демосеенъ выразилъ только господствующее мнѣніе древняго общества о назначеніи женщины, когда онъ сказалъ: „у насъ есть гетеры для нашего удовольствія, наложницы для удовлетворенія обыденныхъ потребностей чувственности и законныя жены для произведенія законныхъ дѣтей да для управленія и охраненія нашего дома“. Совершенно иное положеніе заняла женщина въ христіанскомъ обществѣ. Еще на первыхъ порахъ своего появленія христіанство громко провозгласило о полномъ равенствѣ мужчины и женщины. „Во Христѣ Іисусѣ,—говоритъ ап. Павелъ,—уже нѣтъ ни іудея, ни эллина, ни раба, ни свободного, *нѣтъ мужескаго пола, ни женскаго* (Гал. 3, 28)“. Всѣ противорѣчія и различія по положенію, созданныя національными, общественными и половыми, уничтожаются въ христіанствѣ, потому что во Христѣ „всѣ—одно“,—всѣ равноправные братья и сестры, имѣющія одного Отца на небесахъ. Признавъ женщину равноправною по своему положенію мужу, христіанство вмѣстѣ съ тѣмъ освятило бракъ не только въ духовной, но и физической сторонѣ. „Невѣрующій мужъ,—пишетъ тотъ же ап. Павелъ,—*освящается* женою вѣрующей, жена невѣрующая *освящается* мужемъ вѣрующимъ, а потому и дѣти ваши теперь *святы* (I Кор. 7, 14)“. Бракъ въ христіанствѣ сдѣлался, такимъ образомъ, свободнымъ союзомъ двухъ равноправныхъ лицъ,—союзомъ, въ которомъ жена является не слугой чувственности мужа, не рабой его, а подружкой и помощницей въ достиженіи высшихъ нравственныхъ цѣлей. Оно наложило обязанности не на одну жену, но столько же, если не больше, и на мужа и, если языческое общество требовало вѣрности только отъ жены, то въ христіанскомъ возрѣвнѣи мужчина, нарушившій вѣрность, оказывался болѣе виновнымъ, чѣмъ женщина, потому что

онъ не могъ представить въ извиненіе свою слабость. Можно сказать, что въ сферѣ семейныхъ отношеній всего рѣзче выразилась противоположность между христіанскимъ и языческимъ обществомъ, за то всего внимательнѣе прислушивалась къ его голосу женщина. Когда варвары заняли области римской имперіи, христіанство получило къ нимъ доступъ преимущественно чрезъ женщинъ, быстро отозвавшихся на проповѣдь. Исторія торжества христіанства въ Галліи, Британіи, Скандинавіи, Венгрии и Россіи тѣсно связывается съ именами женщинъ, обратившихъ къ новому ученію своихъ мужей и воспитавшихъ цѣлыя поколѣнія въ уваженіи къ имени христіанина.—Наконецъ, вліяніе христіанства отразилось въ такой сферѣ жизни, къ которой по видимому оно не имѣетъ никакого отношенія и которая тѣмъ не менѣе обязана ему своимъ переворотомъ: я имѣю въ виду экономическую сторону быта. Въ древнемъ мірѣ какъ безправность раба, такъ и униженіе женщины отчасти обуславливалось тѣмъ презрительнымъ взглядомъ, какой господствовалъ тамъ въ отношеніи къ труду матеріальному. Свободный гражданинъ греческихъ и римской республикъ, за немногими исключеніями, гнушался труда и смотрѣлъ на необходимость занятія имъ, какъ на безчестіе. Бѣдный, добывающій средство къ жизни трудомъ, по мнѣнію древнихъ, едва ли былъ способенъ къ добродѣтели и никогда не могъ получить полного гражданства въ государствѣ. Рабство потому то и представлялось древнему человѣку неизбѣжною необходимостью для государства, что онъ не могъ допустить и мысли о томъ, чтобы всѣ свободные люди снизошли до самостоятельнаго труда. Когда въ одной изъ своихъ комедій Кратесъ вывелъ на сцену политическаго реформатора, задумавшаго основать государство безъ рабовъ, то на возраженіе, какимъ образомъ въ такомъ государствѣ можетъ существовать безсильный старикъ, его реформаторъ нашелся отвѣтить только то, что тогда вещи будутъ повиноваться приказаніямъ человѣка. Это значить, что, по возрѣнію грека, государство безъ раба, несущаго физическій трудъ, возможно лишь въ томъ случаѣ, если природа сама будетъ послушной исполнительницей всѣхъ желаній человѣка. Въ полной противоположности этому христіанство поставило на своемъ знамени обязанность труда и уваженіе къ нему. Оно освя-

тило трудъ великими примѣрами самого Основателя христіанства, родившагося въ жилищѣ скромнаго рабочаго, и его учениковъ проповѣдниковъ евангелія, которые жили трудами рукъ своихъ. Съ точки зрѣнія христіанства, каждый трудъ, каждое занятіе не есть только необходимость, а становится долгомъ человѣка и даетъ ему право на почетъ. Только тѣ занятія, которыя растлѣваютъ душу, могутъ безчестить человѣка. Такъ, христіанствомъ же было положено начало постепенному освобожденію промышленнаго труда и оно явилось одною изъ причинъ экономическаго переворота, совершающагося на пространствѣ новой исторіи. Такимъ образомъ, подъ болѣе или менѣе прямымъ воздѣйствіемъ христіанства, измѣнялся весь строй древней жизни, рушились его старые устои и на развалинахъ его возникало новое общество, далеко непохожее на общество античное. Тѣ народы, которые выступили на историческую сцену вмѣстѣ съ торжествомъ христіанства или послѣ него и восприняли это ученіе, призваны были дѣйствовать въ совершенно иныхъ условіяхъ, вращаться въ иной духовной атмосферѣ, неизвѣстной античному міру, и ихъ жизнь сложилась и пошла инымъ путемъ, чѣмъ жизнь древности. Поэтому-то христіанство служить однимъ изъ самыхъ существенныхъ явленій всеобщей исторіи, полагающимъ ясную черту различія между древнимъ и новымъ ея періодомъ. Дохристіанскій міръ принадлежитъ древности, новая же исторія есть та исторія, которая имѣетъ дѣло уже съ христіанскими народами.

3) Перехожу къ разсмотрѣнію третьяго явленія, характеризующаго собой начало новой исторіи и состоящаго, какъ я сказалъ, съ выступленіи новыхъ этнографическихъ элементовъ на передовую сцену исторіи въ лицѣ германскихъ и славянскихъ племенъ. Когда Римъ пріобрѣлъ владычество надъ всѣми странами, лежащими близъ береговъ Средиземнаго моря, и достигъ такой всемірной власти, какой не достигалъ царь изъ царей, для него совершенно внезапно, по видимому, возникъ вопросъ: можетъ-ли Римъ удержать свои пріобрѣтенія, можетъ-ли онъ удержать даже свое независимое существованіе? Этотъ вопросъ вызванъ былъ появленіемъ новыхъ силъ въ исторіи, которыя рѣшились оспаривать у Рима право быть главою Востока и Запада и въ первый разъ заставили его усумниться въ непобѣдимости

своихъ легіоновъ. То были тевтонскія племена, пришедшіе въ Европу позже грековъ и римлянъ и долгое время безвѣстно для исторіи скрывавшіяся въ лѣсахъ и болотахъ сѣверо-западной Европы. Бурнымъ натискомъ, извѣстнымъ въ лѣтописяхъ Рима подъ именемъ нашествія Кимбровъ и Тевтоновъ, онѣ въ первый разъ заставили римлянъ не безъ смущенія говорить о себѣ и вступили въ борьбу съ ними, которая длилась болѣе пяти столѣтій. Часто отбрасываемыя за Рейнъ римскими войсками, они періодически врывались въ предѣлы римской имперіи, опустошали ея окраины, иногда проникали въ центръ ея, и наконецъ, въ великомъ движеніи народовъ и племенъ V-го вѣка нанесли ей послѣдній ударъ, окончательно отдавшій западныя ея области въ ихъ полное распоряженіе. Германскія племена, такимъ образомъ, грозили бѣдой западной половинѣ римской имперіи, но и ея восточная часть должна была выдержать продолжительную и упорную борьбу съ другимъ, новымъ племенемъ, занимавшимъ сѣверо-востокъ Европы. Уже въ безпорядочныхъ толпахъ германскихъ племенъ, врывавшихся въ имперію въ IV-мъ вѣкѣ, встрѣчаются слѣды присутствія славянскихъ племенъ, еще позже германцевъ явившихся въ Европу, но не менѣе энергично стремившихся протѣсниться на сцену исторической жизни. Въ эпоху великаго переселенія народовъ, вызваннаго нашествіемъ на Европу гунновъ, славянскія племена принимаютъ уже живое и близкое участіе во всѣхъ главнѣйшихъ событіяхъ жизни и оказываютъ на нихъ свое вліяніе, хотя и дѣйствуютъ всюду позади германцевъ. Послѣ того, какъ германскія племена въ концѣ V вѣка окончательно овладѣваютъ западными областями римской имперіи и полагаютъ здѣсь начало новымъ народностямъ Европы, славяне въ VI-мъ и VII вѣкѣ ту же роль пытаются выполнить въ отношеніи къ восточнымъ ея частямъ, объединившимся въ Византійской имперіи. Они цѣлыми массами проникаютъ въ Византію, колонизируютъ ея области и вносятъ въ ея жизнь свои племенные начала. Наплывъ славянскихъ племенъ въ Византійскую имперію и перемѣны, внесенныя ими сюда, были такъ значительны, что дали поводъ одному современному ученому думать, что теперешніе греки — не потомки древнихъ грековъ, а потомки славянъ, наводнившихъ греческія области въ VI и VII вв. Но, если эта теорія

и не можетъ быть признана достаточно обоснованной и если славянамъ никогда не удалось такъ же прочно утвердиться въ предѣлахъ Византіи, какъ это было достигнуто германцами на западѣ, то все же славянскія племена, въ полной аналогіи съ германцами, становятся для востока Европы началомъ новой исторической жизни и образуютъ изъ себя здѣсь рядъ новыхъ государствъ и новыхъ національностей. Уже одно это возникновеніе новыхъ государствъ въ Европѣ является само по себѣ фактомъ крупной важности, полагающимъ различіе между предшествовавшимъ ему и послѣдующимъ отдѣломъ исторіи. Между тѣмъ какъ ранѣе дѣйствующими народами были азіатскіе аріи и семиты, а изъ европейцевъ только греки и римляне, теперь въ качествѣ главныхъ дѣятелей выступаютъ новые народы — романскіе, германскіе и славянскіе, которыхъ совѣмъ не знала древность. Но этотъ фактъ еще болѣе усилится въ своемъ значеніи, если мы обратимъ вниманіе на послѣдствія, вызванныя въ исторіи вступленіемъ въ нее новыхъ народовъ. Дѣло въ томъ, что какъ германцы на западѣ, такъ славяне на востокъ были учениками старой римской имперіи и начали свою государственную жизнь подъ прямымъ вліяніемъ первыхъ древняго Рима, вторые — Византіи, названной новымъ Римомъ, но какъ тѣ, такъ и другіе переросли своихъ учителей и *расширили историческую жизнь съ внѣшней и внутренней стороны.* Съ внѣшней стороны вліяніе новыхъ племенъ въ исторической жизни, сказалось въ томъ, что благодаря ихъ предприимчивости, *географическіе предѣлы культурной дѣятельности начали мало по малу раздвигаться съ береговъ Средиземнаго моря, бывшаго главнымъ театромъ древней исторіи, на весь земной шаръ.* Сначала, паденіемъ западной римской имперіи и образованіемъ новыхъ европейскихъ народностей въ историческое движеніе были втянуты области западной Европы; нѣсколько позднѣе, въ IX и X вѣкахъ, сюда присоединяется и европейскій востокъ съ возникшими здѣсь славянскими государствами; съ конца XV вѣка, когда открыта была Америка, историческая жизнь захватываетъ собой берега Атлантическаго океана въ то время, какъ въ слѣдующемъ же XVI-мъ вѣкѣ завоеваніемъ Сибири Россія распространяетъ вліяніе цивилизацію на азіатскій востокъ и достигаетъ до береговъ Тихаго океана; наконецъ, громадное

развитіе европейскихъ колоній въ другихъ частяхъ свѣта, начавшееся съ XVII в. и продолжающееся доселѣ, и открытіе пятой части свѣта—Австралія завершили собой этотъ географическій прогрессъ цивилизаціи и захватили въ историческую жизнь всѣ обитаемыя части нашей планеты. Еще значительней было воздѣйствіе, оказанное новыми племенами на внутреннюю сторону историческаго процесса. Это воздѣйствіе состояло въ томъ, что новыя племена принесли съ собой въ исторію новые общественные идеалы по сравненію съ тѣми, какими жила классическая древность, и положили начало образованію новыхъ политическихъ формъ, не встрѣчавшихся въ жизни древнихъ народовъ. Благодаря успѣхамъ, главнымъ образомъ, двухъ наукъ—сравнительной филологіи и сравнительной міеологіи, въ настоящее время выяснено, что германцы, какъ и славяне принадлежать къ одной великой семьѣ арійскихъ народовъ и имѣютъ одно общее происхожденіе съ греками и римлянами. Первоначально всѣ арійскія племена жили одною жизнію, говорили однимъ языкомъ, имѣли одинаковыя міеологическія представленія и, расходясь по разнымъ странамъ свѣта, уносили съ собой это общее достояніе въ качествѣ задатка для своего дальнѣйшаго развитія. Вслѣдствіе этого первобытныя политическія и общественныя учрежденія грековъ, римлянъ, германцевъ и славянъ представляютъ изъ себя много тождественнаго и еще болѣе аналогичнаго. Такъ у всѣхъ названныхъ племенъ, въ самомъ началѣ ихъ исторіи, мы находимъ какъ бы одну, общую имъ всѣмъ, систему политическаго быта, состоящую изъ: а) государя или старшины, который править дѣлами въ мирное время и предводительствуетъ на войнѣ; б) совѣта старшинъ т. е. людей, выдающихся или по возрасту или по происхожденію или по личнымъ заслугамъ,—совѣта содѣйствующаго государю и в) наконецъ, общаго собранія народа, вѣча или земскаго собора на разсмотрѣніе и утвержденіе котораго вносятся всѣ дѣла особой важности. Такой именно строй жизни мы читаемъ въ пѣсняхъ Гомера—этомъ древнѣйшемъ памятникѣ европейской цивилизаціи, въ римскихъ преданіяхъ, въ первомъ описаніи государственнаго быта германцевъ, сдѣланномъ рукою Тацита и въ извѣстіяхъ о славянахъ, записанныхъ въ нашихъ лѣтописяхъ. Точно также и образованіе этого первобытнаго го-

сударства у всѣхъ арійцевъ происходило одинаковымъ путемъ, именно: семья развивалась прежде всего въ родъ, который и составлялъ низшую политическую единицу у всѣхъ арійскихъ народовъ, близко стоявшую къ домашнему, семейному общенію. Аѳинскій *γένος*, римскій *gens*, германская *Mark* или *Gemeinde*, ирландскій кланъ, славянская община или волость—все это только различныя названія этой первобытной политической еденицы въ разныхъ странахъ Европы. Въ дальнѣйшемъ развитіи совокупность родовъ образовывало племя или трибу, а совокупность трибъ—государство. Но въ то время какъ у древнихъ народовъ Европы этотъ процессъ объединенія не пошелъ далѣе городскихъ общинъ и не распространился на всю націю, у германскихъ и славянскихъ племенъ весьма рано возникли крупныя политическія союзы, съ теченіемъ времени превратившіеся въ націи. Это то вотъ обстоятельство и положило весьма рѣзкую черту различія между цивилизаціей древнихъ народовъ и той цивилизаціей, которая начала слагаться съ приходомъ на сцену исторіи германскихъ и славянскихъ племенъ.

а) Во-первыхъ, такъ какъ объединеніе трибъ (племенъ) у древнихъ народовъ остановилось на городской общинѣ, то и античная цивилизація по преимуществу была цивилизаціей городской; городъ въ исторіи Греціи и Рима представлялъ собой законченное цѣлое, выше котораго не поднималось политическое развитіе древности; для древности онъ былъ, такъ сказать, идеальнымъ типомъ политической еденицы. Образование болѣе крупныхъ политическихъ тѣлъ въ античномъ мірѣ происходило не иначе, какъ чрезъ соединеніе нѣсколькихъ городовъ подъ гегемоніей одного изъ нихъ, при чемъ внутреннее устройство городовъ оставалась нетронутымъ, и каждый городъ, вступая въ федерацію союза городовъ, сохранялъ свою самостоятельность и независимость во внутреннихъ дѣлахъ. Даже обширная римская имперія долгое время представляла изъ себя подобный союзъ городовъ, находившихся подъ властью державной республики, но и тогда, когда гражданами Рима сдѣлались обитатели всего міра, римскій гражданинъ все-же былъ только римскимъ горожаниномъ, и права его, покуда они сохраняли дѣйствительное значеніе, могли быть осуществляемы только въ Римѣ. Съ приходомъ же германскихъ и славянскихъ племенъ эта

городская жизнь, господствовавшая въ древнемъ мірѣ, теряетъ свое значеніе и вмѣстѣ съ ней рушится и весь античный политическій строй. Ни одно изъ германскихъ племенъ, занявшихъ западную римскую имперію, не обнаружило исключительной привязанности къ городской жизни, а многія, напротивъ, ясно высказывали ясно свое нерасположеніе къ городамъ. Такъ готы напр. прямо заявляли, что они не ведутъ войны съ городами т. е. не желаютъ пріобрѣтать ихъ, также и лангобарды, овладѣвшіе Италію, расселились по деревнямъ, оставивши городскую жизнь неприкосновенною. Самое германское слово „Burger—горожанинъ“ неизвѣстно было нѣмецкому языку до IV вѣка; когда Ульфилъ, просвѣтитель готовъ, принялся за переводъ св. писанія, онъ долженъ былъ самъ вновь образовать это слово, чтобы перевести имъ греческое „*πολίτης*“, и въ первый разъ пустилъ его въ обращеніе

б) Во-вторыхъ, прямымъ слѣдствіемъ преобладанія городовъ въ древней политической системѣ было то, что ни греческій народъ, ни римское государство никогда не могли достигнуть національнаго объединенія. Въ греческомъ умѣ, конечно, было ясное, отчетливое представленіе о греческомъ народѣ, соединенномъ общимъ происхожденіемъ, языкомъ, религіей и цивилизаціей, и въ силу этого представленія всѣ греки назывались братьями другъ другу и противопоставлялись сосѣднимъ варваромъ. Но ни одному греческому философу или государственному мужу, никогда не приходило въ голову, чтобы весь греческій народъ или та его часть, которая населяетъ непрерывную территорію, могъ быть соединенъ въ одно политическое общество. Независимость каждого города была основнымъ началомъ всей политической жизни, и если внѣшнія причины и потребность къ самозащитѣ заставляла иногда греческіе города соединяться въ союзы, то эти союзы никогда не были продолжительными и составлялись всѣми неохотно. Извѣстно, что Аѣины совсѣмъ не присоединялись къ ахейскому союзу, а Спарта была включена въ него противъ своего желанія. Точно также и исторія Рима есть исторія распространенія правъ римскаго гражданства на всѣ покоренные народы; городъ Римъ, завладевая всѣмъ извѣстнымъ тогда міромъ, какъ бы включалъ его въ себя, дѣлалъ другія племена своими гражданами, но не

соединялъ ихъ въ одну націю. Римъ образовалъ только прочную державу, а не единую націю, и римскаго народа мы напрасно стали бы искать въ римской имперіи, хотя имя его и слышится безпрестанно. Соотвѣтственно этому, какъ въ понятіяхъ классическихъ писателей, такъ и въ классическомъ языкѣ государство обозначаетъ собой не народъ, не націю, а городъ т. е. общество людей, живущихъ въ селеніи, окруженномъ стѣнами. Ни отечества, ни государства въ нашемъ смыслѣ не зналъ ни грекъ, ни римлянинъ. Тѣ чувства, которыя у насъ обращаются къ народу, у грековъ и римлянъ относились къ городу, такъ что самыя обыденныя греческія и латинскія выраженія, обозначающія собой эти отношенія, очень трудно передать на какомъ-нибудь новомъ языкѣ. Такъ слова *πατρίς*, *patria* только съ приблизительной вѣрностью могутъ быть переводимы словомъ „отечество“, въ дѣйствительности же эти слова не обозначали отечества въ нашемъ смыслѣ, не обозначали страны; отечествомъ для афинянина была не Греція, а Аѣины, какъ отечествомъ римлянина былъ Римъ, а не Италія. Когда Тиверій перенесъ свое пребываніе изъ Рима въ Капрею, то люди удивлялись, что римскій государь можетъ такъ долго „*saegere patria*“—фраза, если перевести его „быть внѣ отечества“, странно звучала бы въ примѣненіи къ лицу, просто переѣхавшему изъ Рима на одинъ изъ близъ лежащихъ острововъ. Подобнымъ образомъ и слова *πολίτης*, *civis* значатъ собственно горожанинъ, какъ и самое слово *civitas*. обозначаетъ не государство, а городъ, какъ корпорацію горожанъ.—Иное понятіе о государствѣ сложилось у германскихъ и славянскихъ народовъ. Они никогда не знали исключительнаго и полного развитія городского быта, но за то оказались болѣе способными достигъ національнаго политическаго развитія. Минуя классическую систему отдѣльныхъ политически-независимыхъ городовъ, эти племена прямо сѣумѣли перейти отъ племеннаго быта къ національному политическому строю. Извѣстія Тацита о германцахъ рисуютъ намъ еще ту картину общественнаго быта, въ которомъ дѣйствуетъ племенное, а не національное начало и который гораздо ниже состоянія арійцевъ у Гомера, но уже въ концѣ II-го и началѣ III-го вѣка на мѣстѣ мелкихъ разрозненныхъ германскихъ племенъ, описанныхъ Тацитомъ, возникаютъ большіе націо-

нальные союзы франковъ, саксовъ, бургундовъ и т. д. Перейдя въ предѣлы римской имперіи, эти союзы къ IX-му вѣку уже складываются въ главнѣйшія западно-европейскія націи, существующія и доселѣ. Въ IX-мъ вѣкѣ мы еще ничего не знаемъ о городахъ Западной Европы; это—вѣкъ упадка городской жизни послѣ ея разцвѣта у классическихъ народовъ, но изъ этого же вѣка мы имѣемъ опредѣленные свѣдѣнія о существованіи въ это время если не трехъ, то по крайней мѣрѣ двухъ народностей романской и германской. Этотъ фактъ западно-европейской политической исторіи—цѣликомъ повторяется и въ исторіи востока Европы, гдѣ около того же времени т. е. въ IX и X вв. славянскія племена выступаютъ уже въ качествѣ сформированныхъ національных единицъ. Такимъ образомъ, въ самомъ началѣ своей исторіи новыя славянскія и германскія племена внесли съ собою несравненно болѣе широкую и прочную форму политической жизни, нежели та, которая господствовала въ классическомъ мірѣ. Если тамъ городъ съ небольшою окружавшею его территоріею былъ *всѣмъ*, то здѣсь мѣсто города занимаетъ понятіе націи, совершенно неизвѣстное въ этомъ политическомъ смыслѣ ранѣе, и какъ государство въ древнемъ мірѣ сливалось съ городомъ, отождествлялось съ нимъ, такъ теперь государство сливается съ націей и отождествляется съ ней. Въ понятіяхъ германскихъ и славянскихъ народовъ государство—это не городъ, а значительная, непрерывная часть земной поверхности, населенная людьми, говорящими однимъ языкомъ и соединенными подъ однимъ правительствомъ: это понятіе о государствѣ составляетъ идеаль, который управляетъ политической исторіей новаго времени и является въ ней источникомъ цѣлаго ряда новыхъ политическихъ образованій.—Вотъ тѣ новыя политическія начала, которыя внесены были въ исторію человечества германскими и славянскими племенами. Очевидно, что политическая жизнь съ приходомъ этихъ племенъ, должна была сложиться и дѣйствительно сложилась иначе, чѣмъ это было ранѣе. Поэтому то, въ добавокъ къ даннымъ опредѣленіямъ, новую исторію мы можемъ еще опредѣлить, какъ такую исторію, которая открывается вступленіемъ въ историческую жизнь германскихъ и славянскихъ племенъ.

И покончилъ обзоръ явленій, характеризующихъ собой

переходную эпоху т. е. совершающихся на пространствахъ первыхъ VI-ти вѣковъ нашей эры. Этотъ обзоръ показалъ, что каждое изъ разсмотрѣнныхъ явленій въ отдѣльности обозначало собой глубокий поворотъ жизни человѣчества, приносило въ нее новыя начала и толкало исторію на новый путь сравнительно съ тѣмъ, какимъ она шла ранѣе; взятые же всѣ вмѣстѣ эти явленія перестроили собой человѣческія отношенія, выдвинули на сцену новыя народы и даже измѣнили географическую территорію цивилизованной жизни. Нѣтъ ни одного существеннаго факта въ позднѣйшей исторіи, который бы такъ или иначе не связанъ былъ съ какимъ-либо изъ этихъ явленій; нѣтъ ни одной черты въ жизни современныхъ культурныхъ народовъ, которою они могутъ гордиться въ отличіе отъ древнихъ народовъ и которая въ тоже время не вела бы своего происхожденія изъ этой эпохи. Еще никогда жизни человѣка и человѣческихъ обществъ не испытывала такого перелома, какъ въ эту эпоху, и никогда человѣческія понятія не подвергались такому расширенію и такой переработкѣ, какъ-та, которая была вызвана развитіемъ явленій этого періода. Поэтому, съ полнымъ правомъ мы можемъ видѣть въ этой эпохѣ грань, раздѣляющую всю исторію человѣчества на два отдѣла: древній и новый. Древній отдѣлъ исторіи—это тотъ, который кончается разложеніемъ греко-римской цивилизаціи; онъ—*древній* не столько потому, что отдѣленъ отъ насъ внушительнымъ пространствомъ времени, сколько потому, что тѣ идеи, которыми онъ питался, и тѣ устои, на которомъ основывалась его жизнь, устарѣли для нашего времени, сдѣлались непригодными и уступили мѣсто новымъ, какъ и тѣ языки, которыми говорилъ древній міръ, получили названіе „мертвыхъ“ языковъ. Новымъ же отдѣломъ въ исторіи мы будемъ называть тотъ, который открывается распространеніемъ христіанства и выступленіемъ славянскихъ и германскихъ племенъ на историческую сцену. Это отдѣлъ *новый*, потому что жизнь человѣка и человѣческихъ обществъ строится здѣсь на новыхъ началахъ, развивается въ новомъ направленіи и выражается въ новыхъ формахъ, которыя и доселѣ продолжаютъ свою историческую жизнь.

Изъ этого опредѣленія понятія „новой исторіи“ само собой слѣдуетъ, что начало ея не можетъ быть приурочено къ

какому-нибудь одному опредѣленному моменту и обозначено однимъ годомъ. Оно обнимаетъ собой цѣлую эпоху, внутри которой зарождаются и развиваются явленія, обозначающія собой переходъ отъ древней исторіи къ новой. Весьма характерно то обстоятельство, что всѣ эти явленія въ хронологическомъ отношеніи идутъ рядомъ, появляются и достигаютъ торжества почти въ одно и тоже время. Въ VII вѣкѣ отъ основанія Рима римская республика, подчинившая себѣ уже весь древній міръ, превращается въ имперію, заканчиваетъ свою историческую миссію и начинаетъ колебаться въ своихъ основахъ. Вѣкъ Августа—„золотой вѣкъ“ греко-римской цивилизаціи, и вмѣстѣ съ тѣмъ вѣкъ, съ котораго становятся примѣтными признаки ея паденія. Нѣсколько ранѣе образованія имперіи Августа, но въ томъ же вѣкѣ въ первый разъ въ исторіи мы встрѣчаемъ имя тевтоновъ, вступающихъ въ борьбу съ Римомъ; а въ концѣ этого вѣка въ одномъ изъ отдаленныхъ уголковъ имперіи рождается Христосъ, основатель новаго религіознаго ученія. Спустя четыре вѣка, всѣ эти явленія вновь встрѣчаются вмѣстѣ уже въ полномъ развитіи. Въ началѣ IV вѣка нашей эры христіанство обьявляется господствующей религіей и распространяется среди варварскихъ народовъ; въ срединѣ того же вѣка, въ царствованіе Юліана, происходитъ послѣдняя реакція во имя умирающей языческой цивилизаціи; въ концѣ же его римская имперія наводняется варварскими племенами германцевъ, нанесшими послѣдній ударъ независимости ея западной половинѣ. Если мы подойдемъ еще на два вѣка ближе, то не находимъ въ Европѣ уже ни римской имперіи, ни древней культуры: на мѣстѣ ихъ мы увидимъ—на западѣ новые, христіанскіе народы германскаго происхожденія—на востокѣ же византійскую имперію и начинающихъ обращать на себя вниманіе славянъ. Такимъ образомъ эпоха, которую открывается новая исторія, простирается собственно отъ 1-го по VI вѣкъ нашей эры; но въ видахъ практическаго удобства мы можемъ ограничить ее тремя вѣками: IV, V и VI, потому что только съ IV-го вѣка въ полной силѣ выступаютъ явленія, характеризующія начало новой исторіи, и къ VI-му вѣку преобразуютъ ея содержаніе. И какъ вы ни назовете эти три вѣка: временемъ-ли разложенія греко-римской цивилизаціи, эпохой-ли переселенія народовъ или періодомъ

торжества и распространенія христіанской религіи среди варварскихъ народовъ, вы обозначите эту переходную эпоху, раздѣляющую новую исторію отъ древней. Въ ней древній и новый историкъ сходятся вмѣстѣ и подаютъ другъ другу руку помощи: древній заканчиваетъ свое изслѣдованіе, новый—начинаетъ, ибо эта была эпоха, которую можно характеризовать словами поэта:

„Das alte stürzt, es ändert sich die Zeit
Und neues Leben blüht aus der Ruinen

т. е. старое разрушается, время измѣняется и новая жизнь расцвѣтаетъ изъ развалинъ.

А. Спасскій.
